

УДК 325.14 (575.2)

**“МОЯ НЕЛАСКОВАЯ РУСЬ” (О ПРОБЛЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ
КЫРГЫЗСТАНСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ
ОТ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ И МИГРАНТОФОБИИ В РОССИИ)**

М.А. Мамырканов

Рассматриваются проблемы ксенофобии и этнической нетерпимости в современной России по отношению к трудовым мигрантам из Центральной Азии; проводится сравнительный анализ оценок уровня ксенофобных настроений среди россиян.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция; государственная миграционная политика; этническая нетерпимость; мигрантофобия; анклав; сегрегация; гастарбайтер.

**“NOT MY AFFECTIONATE RUSSIA” (ON THE PROBLEM
OF THE PROTECTION OF KYRGYZ LABOR MIGRANTS
FROM XENOPHOBIA AND MIGRANT PHOBIA IN RUSSIA)**

M.A. Mamyrganov

The article deals with the problem of xenophobia and ethnic intolerance in modern Russia in relation to migrant workers from Central Asia. A comparative analysis of the estimates of the xenophobia level among Russians is carried out.

Key words: external expansion labor migration; the government migration policy; ethnic intolerance; migrant phobia; enclave; segregation, guest worker.

В конце XX столетия в мире значительно увеличился объем международной миграции, охвативший все географические регионы. Прямым следствием масштабных перемещений мигрантов – в соответствии с потребностями быстро развивающихся экономик, по политическим, социальным и иным мотивам – является все возрастающее этно-культурное и этно-конфессиональное разнообразие социумов. Существенное влияние на решение людей мигрировать имеет фиксируемое противоречие между обогащением и обнищанием населения почти во всех странах мира, включая Кыргызстан.

В связи с чем имеются основания полагать, что в современном обществе неизменно присутствует социальная поляризация, и миграция играет одну из ключевых ролей в социальных изменениях, так как является и результатом интеграции, и предпосылкой для дальнейших серьезных конфликтных изменений в обществе. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях,

культуре, национальной политике и международных отношениях [1, с. 5–6].

Однако это влияние далеко не однозначно. И для самих миграционных процессов характерно огромное число противоречий. Одно из них, по мнению известного миграциониста А.Г. Вишневого, существует в определенных пределах миграционной емкости любой страны, связанными с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т. д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения,

усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством местного и пришлого населения [2, с. 109–110].

Как известно, в последние годы напряженность в межэтнических отношениях в России провоцируется притоком иноэтничного и иноконфессионального населения из постсоветских республик, имеющих совершенно другие культурные, психологические и поведенческие стереотипы. По мнению некоторых российских исследователей, на родине поведение мигрантов регулируется жесткими религиозными, общинными, клановыми и семейными нормами, которые в России автоматически исчезают. Именно этим объясняется вызывающее поведение “кавказцев” и “среднеазиатов”, раздражающее русских и другие коренные народы РФ и провоцирующее многочисленные конфликты [4].

Среди других “раздражителей” также выделяется плохое знание новым поколением трудовых мигрантов из Центральной Азии русского языка. С каждым годом отмечается снижение уровня образования мигрантов; в трудовую миграцию все более активно вовлекаются сельские жители и социально незащищенные слои населения, в том числе совсем молодые люди, которые имеют только незаконченное или среднее образование, не имеющие опыта жизни в больших городах, элементарных навыков пребывания в городской среде, культуры поведения в обществе. Руководитель ФМС России К. Ромодановский в своем докладе отмечал, что иммиграция вызывает ряд проблем, связанных с этническими, религиозными и культурными отличиями приезжих от коренного населения. “Вновь прибывающие не хотят изучать язык принимающих стран, знакомиться с их культурой, пренебрегают общественными институтами, предпочитают “вариться в собственном соку”. Зачастую они не только сохраняют свою религию, но выбирают экстремальную ее форму” [5].

В результате это приводит к добровольной сегрегации общин этнических мигрантов или чаще всего к осознанной стратегии адаптации к принимающему обществу, обусловленной низким уровнем готовности мигрантской общины к интеграции с местным сообществом. Создание “буферной среды”, воспроизводящей социальные связи и сети, традиционную культурную среду, наиболее характерную для тех этнических общин, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения.

В известной мере вынужденная сегрегация тех или иных этнических общин в общественном

мнении россиян трансформируется в подозрительность, обвинения в клановости, мафиозности, замкнутости. Эти настроения тем явственнее, чем более значима этнокультурная дистанция между этнической группой и местным населением [6].

Однако из данного противоречия очевидно, что к кыргызским трудовым мигрантам она не имеет определенного отношения. Известно, что по всей территории Российской Федерации анклавов, заселенных кыргызскими мигрантами, нет. Российские специалисты, обосновывая задачи демографической политики в области миграции и расселения, прежде всего, выделяют задачу поиска “наиболее предпочтительных контингентов мигрантов, способных наиболее легко интегрироваться в российскую этно-культурную среду”. Основным направлением деятельности выделяется “нормализация миграционных притоков, привлечение мигрантов, не создающих угрозу ее национальной безопасности” [7, с. 25].

Кыргызы не относятся к титульному населению Российской Федерации и, следовательно, приток мигрантов кыргызской национальности не противоречит интересам России, не несет угрозы ее национальной безопасности. Они способны относительно легко интегрироваться в российскую этнокультурную среду. Это объясняется тем, что население Кыргызстана “слабо подвержено влиянию ислама, испытывает тяготение к восточным славянам и стремится жить с ними в симбиозе” [7, с. 131]. Кыргызстанцы более предпочтительны России, исходя из геополитических соображений, так как Кыргызстан не имеет общей границы с Россией. “На ее территории нет преступных группировок, состоящих из кыргызстанцев, и трудовые мигранты из Кыргызстана наиболее законопослушны по сравнению с выходцами из других стран СНГ” [9].

В то же время в целом позитивное значение иммиграции как для российской экономики, так и для страны-донора и самого иммигранта окрашивается в не слишком светлые тона не только из-за условий пребывания мигранта в России, но и потому, что миграция в эту страну носит сегодня, как правило, не позитивно воспринимаемый выбор активной самореализации человека, а болезненный характер вынужденного переселения. И это ощущение усугубляется по большей части также негативным восприятием мигрантов “оседлыми” гражданами. Часто приходится слышать, что мигранты воспринимаются коренным населением как потенциальная угроза, зачастую непонятная, но угроза. И много приезжих или мало – мигранты все равно вызывают тревогу. Негативное отношение

к мигрантам вызвано в первую очередь этническими предубеждениями. В среднем в России почти треть населения нетерпимо относится к представителям определенных национальностей. Кроме культурно-этнического фактора в формировании отношения к мигрантам немаловажное значение имеют и другие критерии. Так, с ними связывают ухудшение криминальной обстановки (хотя зачастую такое мнение сформировано неадекватной информацией, получаемой от правоохранительных органов и распространяемой в СМИ), неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию и т. д. [10].

Однако этот показатель фактически не выше нескольких процентов. Преодоление подобного отношения к мигрантам задача комплексная как для кыргызской, так и российской стороны. Так, по данным К. Ромодановского, лишь 3,5 % преступлений совершаются мигрантами. В связи с этим он обратил внимание, что в прессе «любое преступление, совершенное иностранцами, становится предметом широкого обсуждения» [12].

Данные общей статистики преступности в целом по России также невелики и, по сведениям МВД и ФМС РФ, не превышают 3–4 %. В Санкт-Петербурге, например, доля совершенных мигрантами преступлений в общей массе зарегистрированных не превышает 2 %. При этом представители ФМС заявляют, что значительная часть преступлений в структуре преступности иностранцев – это подделка миграционных карт (около 70 %), кражи и грабежи. На преступность иностранцев влияют нелегальный характер их пребывания, криминализация сфер занятости (теневая экономика), кризис межнациональных отношений, пребывание в маргинальной среде.

Вместе с тем, трудовые мигранты сами становятся жертвами преступлений как со стороны граждан России, так и со стороны других гастарбайтеров. Преступления иноэтничных мигрантов вызывают резонанс и формируют к ним негативное отношение, местное население реагирует на них острее, чем на преступления своих земляков [13].

По данным аналитического центра «Сова», исследующего проблемы мигрантов, в 2011 г. узбеки, таджики и кыргызы подвергались нападкам со стороны ксенофобов или становились жертвами неонацистов больше других: 20 человек были убиты и 130 получили ранения. Москва и Санкт-Петербург, где проживает самое большое количество мигрантов, являются самыми опасными городами для иностранных рабочих.

В 2012 г. в результате подобных нападений были убиты 10 человек, ранены 24. Однако только самые жестокие случаи убийств на почве не-

нависти предаются огласке. Большинство других случаев остаются неизвестными, поскольку мигранты не имеют легального статуса или боятся властей [14]. Не имея разрешительных документов на право проживания и осуществления трудовой деятельности, большинство таких граждан постоянно откупается от полиции и других властных структур, проверяющих временную регистрацию, очень слабо ведется регистрация и запись числа людей, погибающих от рук скинхедов, хулиганов и националистов. Нередко убийства гастарбайтеров причисляют к разряду несчастных случаев и самоубийств. Известно, что не каждый случай насилия становится известен даже землякам жертв. К примеру, с начала 2011 г. в России погибло по официальной информации 102 кыргызстанца, но, как признают сами источники, эта цифра не точная, и погибших гораздо больше [15].

В результате среди мигрантов растет недовольство, но мало кто пытается организовывать коллективные акции в защиту своих прав. Тем не менее, трудовые мигранты из КР совместно с другими гастарбайтерами из Центральной Азии все же приняли участие в двух антифашистских митингах, состоявшихся в Москве в октябре 2011 г., где собрались 10 тыс. человек и 16 января 2012 г. (2 тыс. человек), на которых они смогли выразить свои протестные требования.

Однако антинационалистические и антифашистские митинги собирают относительно скромное количество последователей в России по сравнению с националистическими акциями протеста против иностранных рабочих. По поводу негативного настроения российского населения к мигрантам, президент РФ В. Путин предложил криминализовать незаконный статус трудовых мигрантов. В своей статье в «Новой газете» он утверждает, что трудовые мигранты привозят в Россию «агрессию» и «неадекватное поведение» и заслуживают «жесткого» обращения [16].

Диаспоры зачастую боятся выражать недовольство по поводу миграционной политики Кремля. Некоторые мигранты находят удовлетворение в том, что становятся последователями сомнительных религиозных лидеров. Тем временем власти Кыргызстана не делают почти ничего, чтобы обеспечить своих собственных граждан работой на родине.

Несмотря на факт, что российский трудовой рынок все больше нуждается в иностранной рабочей силе, российское правительство продолжает устанавливать низкие квоты для трудовых мигрантов, таким образом, вынуждая большинство из них работать нелегально.

Любые действия со стороны местных властей различного уровня, направленные на ужесточение процедуры въезда в Россию мигрантов, встречают одобрение со стороны большей части общества. Даже в регионах, относительно слабо “задействованных” в миграционных процессах, проблемы миграции актуализируются через призму положения в России в целом [17]. Так, по данным Европейского социального исследования (ESS), россияне устойчиво опережают жителей Европейских стран по уровню неприязни к приезжим [18].

Особую озабоченность, наряду с динамикой, вызывают расширение социально-демографической базы ксенофобских настроений. Вирусу этнофобий сегодня более подвержены жители мегаполисов, чем других поселений. Весьма настораживает подверженность этнофобиям молодежи. По крайней мере, такое объяснение применимо к части молодежи крупных городов [19].

Напряженность отношений между мигрантами и коренными жителями каждый год фиксируют результаты опросов различных социологических центров, в частности, ВЦИОМа, Левада-центра, ИнОПа и др. Так, в октябре 2009 г. социологи Левада-центра привели список более 30 проблем современной Москвы и попросили респондентов отметить те, что беспокоят их больше всего.

По результату опроса, третьей *раздражающей проблемой*, после высоких цен и роста стоимости услуг ЖКХ, называют большой приток мигрантов: “Много выходцев из южных республик”. Если в 1999 г. об этом говорили лишь 27 % опрошенных, то спустя десять лет – 42 % [18].

По данным ВЦИОМ за 2010 г., 32 % жителей России считали, что межнациональные отношения стали более напряженными, и лишь 16 % думали наоборот. В Москве, куда направляется основной поток мигрантов, ситуация особенно тревожная. 51 % опрошенных москвичей назвали межнациональные отношения в городе напряженными, плохими или конфликтными.

К концу 2011 г. 52 % жителей России, по данным Левада-центра, отметили усиление националистических настроений среди русского населения, а 44 % главной причиной роста национализма назвали вызывающее поведение этнических меньшинств. Закрытый опрос, проведенный по заказу мэрии Москвы, показал, что националистов поддерживают 35 % жителей столицы. Эпизодические вспышки вооруженных межэтнических столкновений в столице и регионах – симптом серьезной социальной болезни, которая, если ее не лечить, способна принять угрожающие масштабы [4].

В то же время Институт общественного проектирования (ИнОП) дает другую оценку уровню распространения ксенофобских настроений среди россиян. Согласно опросам общественного мнения, уровень агрессивно-ксенофобских настроений среди россиян невысок, число граждан, испытывающих острое неприятие к мигрантам, колеблется, по разным оценкам, от 3 до 7 %. Обострением межнациональных конфликтов обеспокоены лишь 2,8 %.

О том, что ксенофобские настроения, свойственные части российского общества, начинают идти на убыль, свидетельствуют и результаты недавно проведенного исследования Высшей школой экономики (ВШЭ), в котором большинство российских граждан терпимо относится к трудовым мигрантам. И признают: без привлечения иностранной рабочей силы невозможно развитие отечественной экономики. Опросив около 25 тыс человек в 49 регионах РФ, эксперты ВШЭ пришли к выводу: россияне постепенно перестают видеть в приезжих угрозу собственному благополучию.

Итоги исследований и наблюдений за миграционными процессами в КР показывают, что в настоящий момент необходимо привлечение широкой общественности к решению вопросов формирования легальной трудовой миграции на всех ее этапах, социальной поддержке и правовой защищенности трудовых мигрантов, информированности всех участников процесса трудовой миграции, адаптации и интеграции мигрантов в принимающее местное общество. Сегодня угрозу социально-политической стабильности, на наш взгляд, представляют не отдельные межнациональные конфликты, а нарастающая социально-политическая напряженность – прямое следствие распространения ксенофобии и усиливающейся дискриминации меньшинств.

Литература

1. *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: глобальный аспект / А.В. Дмитриев // Социс. 2004. С. 5–6.
2. *Фирсова Н.А.* Политико-правовые проблемы миграции в условиях глобализации / Н.А. Фирсова. Бишкек, 2009. С. 109–110.
3. *Соболев С.* Миграционные парадоксы России: Новая политика на старый лад / С. Соболев. URL: http://www.kginfo.ru/index.php?option=com_content@task=view@id=7392Itemid=33
4. Толерантность и ксенофобия в российском обществе. URL: http://wffw.info/556437/tolerantnost_i_ksenofobij_v_rossiskom_obbestve/

5. *Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана / С. Олимова, И. Боск. Душанбе: MOM, 2003.
6. *Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики: методологические вопросы / Л.Л. Рыбаковский. М.: Экономинформ, 2002. С. 25.
7. *Эргешбаев У.Ж.* Миграционные процессы в Кыргызстане и их социально-экономические последствия / У.Ж. Эргешбаев. Ош: ОшГУ, 2009. С. 130–131.
8. Дело №. 2002. 4 декабря.
9. О мигрантах без прикрас. URL: <http://www.traffikunet.kg/?p=1469/more-1469>
10. *Мукашев Б.* Январь 2011 г. URL: <http://kyrgyzembassy.ru/?p=2590>
11. Проблемы гастарбайтерства в постсоветской России. URL: <http://www.memoid.ru/.../>
12. *Касымалиева А., Марат Э.* Кыргызские и таджикские мигранты в Москве выступают на митингах / А. Касымалиева, Э. Марат. URL: http://caucasia.at.ua/news/o_migrantakh_bez_prikras/2012-02-06-1281
13. Кыргызцы в России: Деньги или смерть? URL: www.gezitter.org/society/6969
14. В. Путин предложил криминализовать незаконный статус трудовых мигрантов. URL: <http://kloop.kg/blog/2012/01/23/>
15. *Федотов В.* Россия: проблема трудовой иммиграции / В. Федотов // Общество и экономика. 2008. № 1. С. 178–181.
16. *Носкова А.В.* Когда заканчивается толерантность и начинается мигрантофобия / А.В. Носкова. URL: demographia.ru/articles_N/index...
17. *Леонова А.* Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. / А. Леонова // Вестник общественного мнения. 2004, июль-август. № 4 (72).
18. Проблема ксенофобии раздута журналистами, считает российский социолог. URL: <http://rian.ru/society/20061108/55456585.html>
19. *Денисенко Е.* Чужая родня / Е. Денисенко // Вечерний Бишкек. 2012. 9 марта.